

АНДРЕЙ БУЛЫЧЕВ

**СОТНИК
ИЗ БУДУЩЕГО
ЗАПАДНЫЙ ЩИТ РУСИ**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Б90

Серия «Военная боевая фантастика»

Выпуск 90

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Булычев, Андрей Владимирович

Б90 Сотник из будущего. Западный щит Руси:
роман / Андрей Булычев. — Москва: Издатель-
ство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2026. —
352 с. — (Военная боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-172197-8

Войско крестоносцев разбито на Омовже, а Дерптская крепость взята штурмом. На западе Руси вновь крепким щитом встало Юрьевское княжество. Князь Ярослав оставляет здесь своего сына Александра и, вступая в борьбу за великокняжеский киевский стол, уводит дружину к Днепру.

Римским папой Григорием IX объявлен крестовый поход, и огромное войско немцев готовится к нашествию. Удастся ли русским устоять и отбить его своими малыми силами? Андреевская бригада готовится к бою!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-172197-8

© ЛитРес, 2026
© Андрей Булычев, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Часть I

КНЯЖЕСТВО ЮРЬЕВСКОЕ

Глава 1

ОНАГР

— Не поспели мы, Лагутович, вон третья сотня уже мимо проходит. — Кондратий кивнул на проезжавших неспешной рысцой литвинских всадников. — Всё, отвоевалась союзная тысяча в немецких землях, к Миндовгу своему возвращается. Пойдёт теперьча с ним куршей и скальвов дожимать.

Только было выгнали обозец на дорогу, и снова пришлось отворачивать в сторону. От малой речки выходили на лесной берег новые сотни вместе с большим санным караваном. Первый, второй, третий десяток зимних повозок прокатился по хорошо набитому войском пути. Сидевшие в санях литвины, проезжая мимо русских розмыслов, приветливо им махали и кричали что-то задорное.

— Веселятся. — Филимон кивнул на обозных. — Как же, живые с набега возвращаются, да ещё, видать, и добром богато нагруженные. Не зря они, выходит, за Двину ходили, а мы-то вот к большому делу так и не смогли поспеть.

— Если бы кузнецы с Себежа порасторопнее были, так тоже бы давно у Дерпта стояли. — Четвертак, правивший лошадьми, вздохнул. — А деревянное-то на раме мы и сами безо всякой помощи

всё быстро поправили. Уж больно тяжёлый наш камнеёт, без хорошей железной стяжки никак не можно его вдаль тащить. Недоработали маненько энтот онагр в нашей усадьбе, недодумали. И понятно почему, в большой спешке ведь обоз в поход отправляли, вот и вылезла слабина. Два раза ведь уже чинили по мелочи, а вон крупное в самый что ни на есть неподходящий момент случилось. Ух ты, а вот, похоже, и начальство едет! — Он кивнул на следовавший за обозом отряд. — Точно, глядите, братцы, это ведь сам тысячный Радвил под своим стягом.

Важный литвин в окружении ближников придержал коня перед установленным на полозья онагром и внимательно оглядел русских.

— Почему отстать от своих? — пробасил он, выделив из всех орудийщиков самого старшего — Стерлю.

— Так поломка у нас, воевода, — ответил тот, пожимая плечами. — Больше месяца мы промучились с ремонтом. А если бы не крепостица, стоявшая в дне пути, так и вовсе бы ничего с ним не вышло. Шибко хитрая штуковина. — И он хлопнул по укрытой рогожей станине.

— Хороший, очень хороший. — Тысячный покачал головой. — У русский рать их много, а у нас нет, пойдём к нам на службу, много серебра тебе дать, сильно богатый будешь, свой дом, усадьба жить, на пирах в княжьем зале Миндовга станешь сидеть. Пить, есть сколько хочешь. Мой князь славный, он хороший воин всегда жаловать, любо такому служить.

— Нет, воевода, зачем?! — Стерля отмахнулся. — Мы Господину Великому Новгороду, бригаде своей

клятву о службе давали. Извиняй, но не могу я под руку Миндовга пойти. За предложение же лестное тебя благодарю. — И он, оглядываясь на обступившую трое русских саней спешенную сотню литвинов, подтянул к себе ближе метательную сулицу.

— Не хочешь служить мой князь, ладно. — Тысячный нахмурился. — Кто из вас пойдёт к нам?! Я всех к себе звать. — И он обвёл взглядом сидевших в санях русских орудийщиков. Не дождавшись ответа, Радвил, неодобрительно покачав головой и что-то проворчав, подозвал к себе пожилого литвина. Внимательно выслушав своё начальство, тот согласно кивнул и отвязал притороченный к седлу коня кожаный мешок.

— *Trys saujos?*¹ — переспросил он командира и высыпал в войлочный подшлемник серебро.

— Да, этого достаточно, они отродясь не видали столько, — хмыкнул Радвил. — Поддай его вон тому, похоже, он у них самый старший. — Он кивнул на Стерлю. — Эй, русский, здесь серебро! — крикнул тысячный, подбоченившись. — Много серебра! И тебе, и весь твой воин его хватить. Забирать его, выпрягать свой лошадь из саней и ехать к себе. Радвил не обижать свой союзник. Радвил всё честно за онагр платить.

— Прости, воевода, но он не продаётся. — Стерля покачал головой. — Это не мой личный камень, а бригадный. У начальства спрашивать его надобно, но уж никак не у меня.

— Бригадный начальство далеко, а ты и я рядом. — Радвил нахмурил брови. — Бери что давать,

¹Три горсти? (*лит.*)

это серебро вам, мой князь с твоим потом сам за онагр рассчитаться.

Литвин с войлочным подшлемником в руках подошёл к Стерле и протянул его русскому.

— Говорю же, не продаётся! — буркнул тот и резко оттолкнул его от себя.

Подшлемник, звякнув серебром, упал на снег. Над зимней дорогой повисла напряжённая, натянутая, как тетива лука, тишина.

— *Raimk juos!*¹ — рявкнул Радвил, и обступившая сани спешенная сотня ринулась на русских. — Живыми! — крикнул он, видя занесённые мечи и секиры.

Крепкий литвин умело принял топорик Гузки на круглый щит всадника и хлестнул плоской частью меча ему по предплечью. Топор выпал, а орудийщика уже сдёргивали с саней и, выбив из левой его руки засопожник, сразу четверо начали бить и топтать на снегу. То же самое сейчас происходило около всех остальных русских саней. Только лишь умудрённый дружинным опытом Кондратий успел ударить небольшим мечом двоих нападавших. Но кольчуга одного выдержала удар, второй же зажал рукой окровавленный рукав полушубка. И вот уже самого дядьку повалили и рьяно топтали у саней.

— Не до смерти! — крикнул опять Радвил. — Алгис, придержи людей!

— Радвил, может, всё же их тут прикончить? — спросил тысячного один из ближников. — Звери уже через седмицу все кости по округе растащат.

¹ Взять их! (*лит.*)

Какой с нас спрос, может, они в метель тут все замёрзли?

— Мажулис, оглядись вокруг, — проворчал тот в ответ. — Здесь целых три сотни, из них почти полная — это наши обозники. Уже через месяц на торгу в Вильно будут рассказывать, как мы порубили тут на дороге русских розмыслов, а через два про это же будут молотъ языками в Полоцке и во Пскове. Ты хочешь взять их кровь на себя лично? — Он кивнул на опутываемый верёвками расчёт камнемёта. — Вот то-то же. Слушайте все! Эти русские не знают чести, они оскорбили меня, тысячного самого князя Миндовга, — громко, чтобы его слышал каждый обозник, крикнул Радвил. — А ещё они пролили кровь моего воина ратным железом, желая ему смерти, за что и поплатились. Я мог бы взять за всё это их жизни, наказав, но я милостив, и мне они не нужны. В наказание же возьму только оружие! Вяжите их, закидывайте в сани, передадим их в порубежной русской крепости посаднику.

Сани, сбегая под уклон, подскочили на яме, и голова у Стерли ударилась о боковую жердь. Он застонал и открыл глаза.

— Ну всё, живой, пришёл в себя, — прошепелявил окровавленными губами Филимон. — А мы уж с Гузкой подумали было, что насмерть тебя зашибли. Который ведь час вот так вот словно бы неживой лежишь.

— Tylėk! ¹ — прокричал сидевший около возничего худой обозник и ударил древком копья по голове Филимона.

¹ Молчать! (лит.)

— Зараза! — прошипел тот, вжимаясь в сено. — Да молчу я, молчу! Вот ведь злыдень! — И ойкнул, получив ещё один удар.

Ехали долго, встали на ночёвку на лесной поляне, где уже горели костры. Как видно, передовые сотни, протоптав по занесённой дороге путь, успели разбить лагерь. Русским переменяли путы и кинули на снег восемь пресных сухих лепёшек. У разведённого неподалёку костра встало трое охранников.

— Руки развяжите, ироды! Как есть, пить нам? — прошепелявил Филимон. — Руки, руки! Ну! Понимаешь?!

— Есть! — И литвин подтолкнул ногой лепёшки. — Пить! — И он, ощерившись, ковырнул носком сапога снег. — Valgyk taip, ant kelių, be kiaulės rankų!¹

— Вот ведь сволота какая, — пробормотал Четвертак. — За свиней нас держат, чтобы, как они, мы с земли ели. А своим сказал, что, если кто от пут освободится и попытается сбежать, прямо на месте того рубить.

— Ты же у нас полоцкий, Четвертак, разумеешь по-литвинскому, — проговорил Стерля, пытаясь ослабить путы на запястьях. — Что ещё расслышал? Куда они нас везут? Чего задумали?

— Вроде в крепость Себежскую хотят сдать, — ответил тот негромко. — А онагр с боевым припасом с собой в Вильно укатить. Дескать, князь очень ему рад будет, он несколько раз Василия Андреевича отдать ему просил, а тот всё ни в какую.

¹ Жрите так, на коленях, без рук, свиньи! (лит.)

— Да-а, а вот теперь уже и не нужно более просить, — кряхтя и постанывая, произнёс Стерля. — Теперь и у литвинов такой вот годный дальнемёт есть, сами мы прямо им в руки его прикатали, братцы. Знал бы, что так будет, сжёл бы его лучше на той поляне. Гузка, ослабь мне узел, руки совсем онемели, не чувствую я их. — И он подкатился к молодому орудийщику. — Кондратий, ты у нас самый опытный тут, из старых дружинных воев, что посоветуешь делать? Может, дёру нам ночью дать?

Пожилой воин, прячась в тени от глаз охранников, освободил свои руки от пут и подполз ближе к Стерле.

— Подвинься, неумелый. — Он толкнул плечом Гузку. — А ну-ка дай, протяни их сюда, старшой. Вот та-ак, вот как развязывать нужно. Вишь, какой узел затянули крепкий? Ничего-о, сейчас развяжу. А совет мой такой будет: с литвинами нам закусываться ни к чему, не в том положении мы нонче, Лагутович, и сбегать нам тоже пока не нужно. Захотели бы — убили бы всех давно, ещё там на дороге. Значит, не нужно им это. Но и как вша перед ними тоже ползать, как я мыслю, не надобно. Мы дружинные вои, а не какие-то там смерды или холопы, и уважение к себе имеем. Пусть и они это тоже видят. Сказали, чтобы связаны мы были, ладно, но так, чтобы без дури и без издёвок.

Вскоре все русские сидели кружком со спутанными уже впереди запястьями, и у каждого в руках была своя лепёшка. Завидев обходившего лагерь сотника, охранники вскочили от костра и бросились к ним, раздавая тычки и бранясь.

— Угомонитесь! — рывкнул тот, обедев взглядом пленных. — Вы бы так на крепостных стенах ратились, псы обозные. Эй ты, старший. — Он кивнул Стерле. — Бежать — умереть. Два дня — и вы быть в своей крепость. Мы вас отпускать.

Он повернулся и пошёл на поляну к кострам.

Через пару дней зимней дороги выехав по руслу ручья к большому озеру, литвинское войско, не задерживаясь, продолжило путь по его льду, а к стоящей на полуострове деревянной крепости подкатило несколько саней в сопровождении всадников.

— Кто такие?! Чего надо?! — крикнул им с башни воин.

— Посадник где?! — подбоченясь и горяча коня, выкрикнул литвин. — У мой воевода Радвил подарок вам есть. Забирайте! — И он кивнул своим воинам. Те вытолкнули на лёд восьмерых пленных. — Это всё русский воин из новгородский войско. Они дерзить приближённым людям князя Миндовга, и их немного проучить за это. Мой воевода добрый, он не стал в наказание лишать их жизнь. Но они поднять ратный железо на его воинов и пролить их кровь, за это он забрать их оружие. Тут он в своём праве. Литва не воевать с Псков. Забирайте этих и можете им тоже тать кнута за то, что они оскорблять ваш союзник.

Сани с сопровождавшими их всадниками развернулись и понеслись в южную сторону, догоняя хвост уходящей воинской колонны.

— Эко же вас литвины-то помяли! — Посадник покачал головой. — Неужто безо всякой причины прямо и ни с того ни с сего? А шляхтич-то вона

чего возвестил со льда. Дескать, ближним людям самого князя Миндовга вы дерзили, кровь его воинам ратным железом пролили. Это как?

— Судислав Петрилович, честной крест тут перед всеми ложу, что наговор это грязный и на-
праслина! — Стерля перекрестился на образа в чистом углу. — К себе тысячный князя зазывал на службу и серебро нам предлагал. Только мысляю я, что не мы ему даже были нужны, а сам этот наш камнемёт. Ещё там, в походе на жемайтов, литвины на онагры глаз свой положили, да не отдал их наш воевода Василий Андреевич. А тут он вона без охраны почитай совсем да на дальней дороге встретился. Ну что там восемь розмыслов русских да супротив столько воинских сотен?

— Вот говорил я тебе, Стерля, когда вы у наших кузнецов тут с железными своими приспособами крутились, чтобы не спешили бы пока к Дерпту идти. Чтобы лучше каравана хорошего на Псков дождались и уже с ним бы отсель сообща ехали, — проворчал, почёсывая голову посадник. — Ну поправили вы недалече свой камнемёт, так постойте маненько здесь у нас, в крепости. Нет ведь, поперёшные, быстреей вам к Чудскому озеру надо! Вот все вы такие новгородские, неслухи!

— Судислав Петрилович, ну мы и так сколько время тут у озёр потеряли, пока наши немца за Псковом били! — воскликнул старший розмыслов. — Вот дал бы пару десятков конной охраны нам, глядишь, и не посмели бы литвины тогда безобразничать!

— Ты тут рот-то свой не разевай! — выкрикнул, вскакивая с лавки, командир крепостной сотни. —

Попрекать он нас, видишь ли, вздумал! Мы тут сами не до конца ещё разобрались даже, кем это сейчас друг другу приходимся. Только вот три месяца назад с новгородцами готовились ратиться, а потом этот раздрай случился! Вот прикатит из Пскова гонец с грамоткой, и уж тогда станет всё на свои места, кто нам союзник, а кто так, сосед али вообще даже недруг. А то, может, опять вам, новгородцам, и вашему князю Ярославу на дверь, как в тот раз уже было, во Пскове укажут! Командовать они нами тут будут! Два десятка конной охраны им подавай! За Ильмень-озером своими будете командовать!

— Тихо, тихо, Никодим, сядь, не кричи! — одёрнул его посадник. — И за языком своим следи. Слух-то верный был о новой власти во Пскове, так что ты уж помолчи лучше. На людях как-никак говорить. И ты, розмысловый десятник, тоже погоди нас винить. У нас тут, в крепостице, едва ли большая сотня всего воев наберётся. Верховых коней после прошлой бескормицы совсем мало осталось. Какие уж там два десятка охранных?! О чём ты вообще говоришь?

— Ну хоть пару-тройку саней-то вы нам дайте, — тяжело вздохнув, проговорил Стерля. — Нам, Судислав Петрилович, налегке бы к своим побыстрее поспеть, доложиться обо всём случившемся. Не за себя и за свои битые бока я переживаю, камнемёт там, у литвинов, в руках. Никак им его не можно оставлять, посадник. А ну как поймут они, как он сработан, потом им же твою крепостицу и разнесут, по брёвнышкам её раскатают. От вас-то, от Себежского озера, до Двины рукой ведь

тут подать, а там уж земли Миндовга начинаются. Небось, не раз уже сюда ранее с набегом литва подходила и окрестности разоряла? Как знать, долго ли ещё с ней в мире будем?

— Та-ак, трое саней тебе, говоришь, надо, — крикнув и почесав бороду, проговорил посадник. — Ладно, Стерля, будут тебе сани. Данила. — Он кивнул осанистому дядьке. — Готовь сани. И снеси на неделю им ещё дай. Чтобы уже утром духу их тут не было. Да-а, в бересте чтоб не забыли прописать о взятом. За новгородской дружиной долг будет, а то ведь с меня потом за всё даденное спросят.

Глава 2 В ЮРЬЕВСКОЙ КРЕПОСТИ

— Иди, иди себе дальше, предатель! — отбросив в сторону большой булыжник, крикнул Петька. — Нечего тут честных воев от трудов праведных отвлекать.

— Братцы, ну вы чего? Ну, братцы? — горестно вздохнув, пробормотал Оська и поставил небольшую бадейку на чёрный, закопчённый снег. — Ну я виноват, что ли? Да кто же знал, что дядька Илья так быстро к себе меня заберёт? Говорил ведь, раньше апреля даже к нему не подходить, а тут вон у Вани Шишака, у старшего при пушке, подносчик от антонового огня¹ совсем слёг. Ну вот и освободилось его место. Или мне сейчас в пушкари переходить, или же цельный год ждать, ког-

¹ Гангрена.

да в усадьбу вернёмся. Ну, братцы, ну вы же сами знаете, как я в пушкарях служить мечтал! Назар-то с Игнатом и Гришкой уже седмицу, как в конный полк перевелись.

— Ладно, ладно, не гундось, Оська, прощаем, — проворчал Маратка и, дождавшись, когда два пешца сдвинут в сторону огромный валун, ковырнул обломком своей жердины завал. — Гостинец с тебя для ребят десятка, — поднимая с крошева кругляш, проговорил он. — У орудийщиков, я знаю, всегда хороший приварок имеется. На вот, держи, подарок тебе. Потом, как только к пушке допустят, чтобы им башку рыцарю-ливонцу отбил!

Подобрав подкинутое ему ядро, Оська презрительно скривился и проговорил:

— Не-е, это вот не под мою пушку, оно срединное, под полевую. У нас-то гораздо большие ядра в жерло закатываются, аж с два кулака они калибром будут! А это чего? Так себешное! Им никакую каменную стену не пробьёшь, хоть ты месяц в неё лупи. А нашей-то вот любую крепость рушь, потому как осадное и серьёзное орудие, совсем даже не шутошное.

— Ой-ой-ой, фу-ты ну-ты, какие мы важные! — хмыкнул Митяй. — Два дня только, как ушёл от друзей, а уже нате вам, калибра у него, полевое, срединное, осадное орудие. Ну, кидай тогда его вон в ту кучку, правее. Для вас ведь тут стараемся, ковыряемся в этом завале, пока вы там ворон считаете.

— Ничёго мы их не считаем, — нахохлившись, проворчал Оська. — Пушки — да, обихаживаем и чистим, смазываем их ещё, припас пороховой от

всякой сырости прячем. Вчера вон колесо снимали, чтобы его чинить. А оно там знаете каковское? Вот такенной ширины! — Он раскинул в стороны руки. — Полдня всем расчётом надрывались, пока это с оси его стянули.

— А ну, что тут за галдёж?!

Из внутреннего перехода разваленной крепостной стены в пролом выглянул дядька Ждан.

— Дела вам нет? Сейчас на носилки всех поставлю, будете камень с крепостного двора выносить! А ты, перебежчик, где должён сейчас быть?! — Он уставился на Оську. — Обратно, может, в пещи захотел?

— Ждан Невзорович, да я тут к обозным за дёгтем с бадейкой бежал. — Тот втянул голову в плечи. — Вот подле ребятки только встал, чтобы дыхание маненько перевести, и всё, и опять уже дальше бегу.

— Больно быстро сбилась оно у тебя, дыхание, как я погляжу, — нахмурившись, проговорил дядька и, глядя, как убегает по тропинке молодой пушкарь, одобрительно хмыкнул. — Ну вот, другое дело, а то дела ему нет. Что, Митяй, много вы сегодня ядер нашли?

— Два десятка, Ждан Невзорович, — ответил тот. — В основном всё мелкие и немного средних. Из больших только одно, да и то с сильно сплюснутым боком.

— Да-а, мало. — Тыловой старшина вздохнул. — Говорил же, нужно было в Пскове большой ряд на выделку их у кузнецов заключать. Это когда ещё с усадьбы наш пушечный припас придёт? Точно никак не раньше конца половодья. Да и придёт